

ДЖОАН РОБИНСОН

Когда здесь БЫЛА Марни

Одна из 50 лучших книг
для детей, по мнению
Хаяо Миядзаки

Шорт-лист медали Карнеги

Почти взрослые книги

Джоан Робинсон

Когда здесь была Марни

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Робинсон Д.

Когда здесь была Марни / Д. Робинсон — «Азбука-Аттикус»,
1967 — (Почти взрослые книги)

ISBN 978-5-389-11150-9

Анне не очень-то легко живется на свете. Родителей у нее нет, только «тетушка», миссис Престон. С одноклассниками эта девочка не слишком ладит, ничем особенным не увлекается, кроме разве что грез наяву, — неудивительно, что все вокруг считают Анну странноватой и предпочитают с ней не связываться. Может, с ней и вправду что-то не так? Но поделиться своими сомнениями Анне не с кем — ведь душевной подруги у нее нет. По крайней мере, не было, до тех пор пока ее не отправили к морю — погостить у старой приятельницы миссис Престон. Там-то Анна и повстречала девочку по имени Марни — свою первую настоящую подругу. С Марни можно делиться секретами, с ней так весело играть в дюнах и ходить по грибы, а живет она в загадочном Болотном Доме, который почему-то сразу показался Анне знакомым... Только иногда Марни вдруг начинает вести себя очень странно, и Анна поневоле думает: «Настоящая ли она?» Если уж на то пошло: настоящая ли сама Анна? И что на самом деле связывает двух непохожих девочек из совершенно разных миров?.. «Когда здесь была Марни» — первое произведение для подростков британской писательницы Джоан Робинсон, автора популярных во всем мире детских книг. Вскоре после выхода в свет роман был номинирован на престижную медаль Карнеги, а в 2014 году всемирно известная студия «Гибли», созданная известнейшим режиссером Хаяо Миядзаки, выпустила на основе книги анимационный фильм «Воспоминания Марни». История дружбы Анны и Марни заняла восемнадцатое место в знаменитом списке из пятидесяти детских книг, которые Хаяо Миядзаки рекомендовал к обязательному прочтению.

УДК 087.5

ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-11150-9

© Робинсон Д., 1967

© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	33
Глава восьмая	37
Глава девятая	40
Глава десятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джоан Робинсон

Когда здесь была Марни

© М. Семёнова, перевод, 2016

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Предисловие

Джоан Г. Робинсон родилась в 1910 году – второй ребенок из четверых в адвокатской семье. Ее раннее детство прошло в пригороде Хэмпстед-Гарден¹. Она посещала семь разных школ, но экзаменов не сдавала. Джоан всегда хотелось быть книжным иллюстратором. Начало ее карьере положила серия из четырнадцати книжек для малышек. В дальнейшем она стала иллюстрировать книги для ребят постарше. Вышла замуж за Ричарда Дж. Робинсона, коллегу-художника, и впоследствии обрела международную известность благодаря серии книг «Тедди Робинсон», которую начала иллюстрировать и писать в 1953 году. Основой серии послужили «приключения» плюшевого мишки ее дочери Деборы. У самой писательницы в детстве такой игрушки не было.

В 1968 году книга «Когда здесь была Марни» номинировалась на медаль Карнеги. Джоан всегда писала о девочках, страдавших от недостатка любви. О книге «Когда здесь была Марни» она говорила так: «Можно много книг написать, но вашу душу заключает в себе лишь одна из них!»

¹ Район на северо-востоке Большого Лондона – когда родилась писательница, его застройка едва успела начаться.

Глава первая

Анна

Миссис Престон поправила на Анне шляпку. Вид у миссис Престон был по обыкновению озабоченный.

– Веди себя хорошо, – сказала она. – Желаю приятно провести время. Непременно возвращаясь здоровой, веселой, подзагоревшей!

Она обняла девочку и поцеловала на прощание. Миссис Престон очень хотела, чтобы та почувствовала себя защищенной, окруженной заботой и любимой.

Анна, однако, ощущала это ее старание, и оно было ей неприятно – словно какая-то стена воздвигалась между ними. Получалось, что в последний момент вся искренность прощания куда-то улетучивалась. У других детей всякие объятия и поцелуи получались как-то сами собой. Анна знала, что миссис Престон весьма порадовало бы нечто подобное, но не могла ничего с собой поделать. Она лишь стояла, замерев, у открытой двери вагона, держа в руке саквояж и очень стараясь изобразить на лице обычное выражение. Скорей бы тронулся поезд!

Для Анны это, может, и было обычное выражение лица, а вот миссис Престон казалось, что девочка застыла с каменной физиономией. Ну что тут прикажете делать? Дама вздохнула и заговорила о вещах более приземленных:

– Поставишь саквояж на багажную полку. Комикс у тебя в кармане плаща. – Миссис Престон порылась в сумочке и протянула Анне сверток: – Возьми, золотко. Тут шоколадка, чтобы тебе в дороге не скучать, и бумажные салфетки – ротик вытереть.

Локомотив свистнул. Носильщик принялся закрывать вагонные двери. Миссис Престон легонько подтолкнула девочку в спину:

– Ступай, милая. Сейчас поедешь.

«Пихается еще!» – проворчала про себя Анна и полезла в вагон.

По-прежнему без улыбки она выглянула в окно купе.

– Передавай большой привет миссис Пегг и Сэму, – напомнила миссис Престон. – Скажи им, я надеюсь вскоре приехать... с однодневной экскурсией, если получится...

Поезд плавно двинулся вдоль перрона. Миссис Престон заторопилась:

– Когда доберешься, обязательно пришли мне открытку! Не забудь, тебя в Хичеме встречать будут! Смотри внимательней, не потеряйся! А еще у тебя пересадка в Кингс-Линне, там трудно запутаться. У тебя во внутреннем кармане саквояжа лежит открыточка с маркой... просто чтобы я знала, что ты добралась благополучно... До свидания, золотко, будь хорошей девочкой!

Она уже бежала рядом с вагоном. Вид у нее был непривычно жалкий, почти умоляющий. Анна поневоле смягчилась – и весьма вовремя.

– До свидания, тетушка! – прокричала она, высунувшись в окошко. – Спасибо за шоколадку! Всего доброго!..

Девочка успела заметить, как при слове «тетушка» обеспокоенное выражение на лице миссис Престон сменилось улыбкой. Еще бы, такого она от Анны точно не ожидала. Потом состав набрал скорость... и станция скрылась за поворотом.

Анна уселась на свое место, даже не оглядевшись по сторонам. Отломила четыре квадратика шоколада. Убрала остаток плитки в карман вместе с упаковкой салфеток. Открыла комикс...

До Кингс-Линна было целых два часа. Даже больше. Надо просто сохранять «обычный» вид, и, если повезет, с нею никто не заговорит. Она будет просто читать комикс и смотреть в окошко, ни о чем не думая.

Ни о чем не думать – в последнее время это успело стать ее любимым занятием. И отчасти причиной, по которой она сейчас катила в Норфолк, чтобы пожить с мистером и миссис Пегг. Не единственной причиной, конечно, только остальные объяснить было бы трудно. Ну не было у нее в школе задушевных подружек. Ну не хотелось ей никого на чай приглашать. И ее меньше всего волновало, что другие ее тоже не приглашали.

Вот в это последнее миссис Престон никак не могла поверить. Она только и делала, что восклицала: «Да что же за безобразие! Неужели все правда отправились на каток, а тебя не позвали?» Вместо катка это мог быть киносеанс, зоопарк, загородная прогулка, поиск сокровищ – нужное подчеркнуть. «Что же ты сама им не намекнешь? – переживала миссис Престон. – В следующий раз непременно дай знать, что ты тоже пошла бы! Почему не сказать: „Девочки, возьмете меня, если местечко найдется? Я с радостью!“ Если все время молчать, как же они узнают, что тебе тоже хочется!»

Но вся штука была как раз в том, что Анне вовсе и не хотелось. В смысле – больше не хотелось. Она не взялась бы втолковать этого миссис Престон, но сама отчетливо понимала: душевные подружки, чаепития и все прочее были... ну... для тех, кто находился внутри некоего волшебного круга. Анна же определенно пребывала вне его. За чертой. Поэтому ее это все не касалось. Вот так. Все очень просто.

Другим вопросом было «тыдажеинепытаешься». Именно так, одним длинным словом. За последние полгода Анна столько раз слышала эту фразу, что она слилась для нее в единое целое. «Анна, ты даже и не пытаешься!» – каждый день вещала мисс Дэвисон, их классная дама. Даже в годовом табеле так написала. А дома то же самое твердила миссис Престон.

«Я совсем не имею в виду, что с тобой что-то не так, – говорила она. – В смысле, ты ничем не хуже других девочек. Ты умненькая... просто это твое свойство... – И звучало ключевое слово: – Тыдажеинепытаешься! Ты же так всю свою будущность можешь профукать...»

Если же ее спрашивали об Анне – где она будет дальше учиться и всякое такое, – миссис Престон отвечала: «Ах, право, даже не знаю! Эта девочка дажеинепытается! Что с ней делать – просто ума не приложу...»

Анну это вовсе не волновало. Ее вообще ничто особенно не волновало. Зато ужасно беспокоило всех остальных. Первой захлопала крыльями миссис Престон. Потом – классная. И наконец – доктор Браун: его вызвали, когда у нее обнаружилась астма и она целых две недели не ходила в школу.

«Я так понимаю, ты очень переживаешь из-за школы», – с таким добрым прищуром заметил врач.

«Я? Да нет, – буркнула Анна. – Это она переживает».

«Вот как! – Доктор Браун прошелся по комнате. Он брал в руки то одно, то другое, внимательно рассматривал, клал на место. – Значит, тебе становится особенно плохо перед уроками арифметики?»

«Иногда...»

«Так-так! – Доктор Браун поставил на каминную полку фарфоровую свинку и стал вглядываться в черные нарисованные глазки. – А мне вот кажется, ты все-таки переживаешь!»

Анна промолчала.

«Я угадал?» – И он обернулся к ней.

«Я думала, вы со свинкой разговариваете», – ответила она.

Услышав такое, доктор Браун чуть было не улыбнулся, но Анна смотрела с самым суровым видом, и он продолжал столь же серьезно:

«Я все-таки полагаю, что ты переживаешь. Сейчас объясню, почему я так думаю. Наверное, все дело в том, что твои... – Он осекся, подошел ближе. – Как ты ее называешь?»

«Кого?»

«Миссис Престон. Ты называешь ее тетушкой?»

Анна кивнула.

«Полагаю, ты волнуешься оттого, что волнуется она. Правильно?»

«Нет. Говорю же вам, ни о чем я не беспокоюсь».

Тут он перестал бродить по комнате и просто уставился на Анну. Она лежала в постели, сидло дыша, с «обычным» лицом. Доктор посмотрел на часы и сказал деловым тоном:

«Что ж, хорошо. Значит, все в порядке, так и запишем...»

И унесся вниз по ступенькам – переговорить с миссис Престон.

После этого все начало как-то быстро меняться. Во-первых, Анна так и не вернулась в школу, хотя до конца учебного года оставалось еще недель шесть. Вместо этого они с миссис Престон отправились по магазинам – закупать для Анны шорты, пляжные босоножки и толстый свитер. Потом миссис Престон получила ответное письмо от одной старой подруги. «Да, конечно! – написала ей Сюзан Пегг. – Пусть малышка приезжает, мы с Сэмом рады будем ее принять. Мы с Сэмом, правда, уже не особенно молоды, и кости у него всю минувшую зиму болели, но раз девочка такая тихоня и не станет повсюду носиться, надеемся, все пройдет хорошо. Как ты помнишь, живем мы простецки, без изысков, но все необходимое в доме найдется. У нас даже телевизор есть...»

«Простецки? – спросила Анна. – Что это значит?»

«Это значит по-домашнему, по-деревенски. Так в Норфолке принято выражаться».

«А-а...»

Тут Анна ни с того ни с сего хлопнула дверью и громко протопала по лестнице к себе наверх.

«Ну вот что я такого сказала, что она так расстроилась?» – огорчилась миссис Престон и убрала письмо в ящик стола, чтобы позже показать его мистеру Престону. Знать бы ей, что Анна испытала труднообъяснимое, но жгучее отвращение к слову «тихоня». Да, она была необщительна и молчалива, но обзывать-то зачем?

Она и по ступенькам-то ногами топала, в основном чтобы доказать противоположное...

Теперь она вспоминала об этом, сидя в поезде и делая вид, будто изучает комикс – на самом деле давно прочитанный. Ей вдруг пришло в голову: а что, если ее и здесь уже кто-нибудь посчитал за тихоню? Анна грозно нахмурила лоб и обвела пассажиров вагона неприветливым взглядом. В уголке дремал старичок. Женщина напротив него смотрелась в карманное зеркальце, подправляла косметику. Анна с невольным интересом к ней пригляделась и тут же почувствовала, как уходит с лица недружелюбное выражение... Вновь насупилась и взглянула на соседку напротив.

Та тоже спала.

Ну и отлично: значит, сработало «обычное» выражение. Никто не собирался дарить ее непрошеным вниманием. Анна с облегчением отвернулась к окошку. Снаружи тянулись заболоченные низины. Мелькали поля, уединенные фермерские домики...

Анна смотрела в окно и ни о чем не думала.

Глава вторая Семейство Пегг

С платформы полная круглолицая женщина махала ей хозяйственной сумкой. Сообразив, что это, верно, и есть миссис Пегг, Анна подошла к ней.

– Ах ты, мой утеночек! Как славно, что ты приехала!.. А вот и наш автобус подходит. Давай мне саквояжик – и побежали!

Возле станции действительно ждал пассажиров одноэтажный автобус. Он был почти полон.

– Вон там местечко есть, – пропыхтела миссис Пегг. – Иди сядь там, утеночек, а я уж тут, рядом с водителем... Утречко доброе, мистер Билс! Здравствуйте, миссис Уэллс! Чудная погода, не правда ли? А как поживает Шерон?

Анна пробиралась в глубину автобуса, радуясь, что не придется сидеть рядом с этой самой Шерон – едва четырех лет от роду, загорелой, толстощекой, румяной, с почти добела выгоревшими светлыми волосами. О чем говорить с такой мелюзгой, Анна понятия не имела.

По обеим сторонам бежали поля – то желтые, то бурые, то зеленые. Распаханные, похожие на рубчатый коричневый бархат. Голубоватые капустные... Глядя в окно автобуса, пронесшегося по нешироким дорогам между полями, Анна временами замечала в живых изгородах алые огоньки маков.

А потом по левую руку узкой полоской показалось море. Сердце так и подпрыгнуло. Анна быстро огляделась – видят ли остальные? Они не смотрели на море. Были заняты болтовней. Должно быть, сказала себе Анна, они так привыкли к этому зрелищу, что перестали его замечать.

Сама она смотрела и смотрела... и потихоньку совсем отрешилась от реальности, широко открытыми глазами глядя в никуда.

А потом они прибыли в Литл-Овертон. Автобус устремился вниз по длинному и довольно крутому склону. Перед Анной распахнулся невероятный простор – небо, море, залитая солнцем болотистая равнина... Наконец автобус заложил крутой поворот и резко остановился.

– Здесь уже рядом, – сказала миссис Пегг, когда они забрали вещи; автобус же с ревом умчался по прибрежному шоссе. – Сэм нас уже ждет! Он, наверное, слышал, как проехал автобус!

– У нас дома автобусы все время туда-сюда ездят, – заметила Анна.

Мисс Пегг представила себе это, поцокала языком:

– Шумно, должно быть!

– Я и не замечаю.

Потом Анна вспомнила автобусных пассажиров и задала неожиданный вопрос:

– А вы замечаете, когда показывается море?

– Я? – Миссис Пегг удивилась. – Море? Нет, что ты. Я к нему и близко не подходила с тех пор, как девчонкой была.

– Просто его из автобуса видно было.

– Ах вот ты о чем. Да, тебе оно в новинку.

Они подошли к воротцам в низеньком, Анне по пояс, заборчике. Крохотный садик был полон цветов, над ними гудели пчелы. Недлинной тропинкой Анна и миссис Пегг прошли к раскрытым дверям домика.

– Сэм, а вот и мы! – крикнула в домашний полумрак миссис Пегг. – В целости и сохранности!

Анна пригляделась: вон та крупная тень в углу, верно, кресло с сидящим в нем мистером Пеггом.

– Мы только вещи сперва наверх отнесем!

Миссис Пегг подтолкнула девочку внутрь чего-то, что смутно напоминало буфет, но на деле оказалось узкой и крутой винтовой лестницей.

– Вот мы и на месте! – сказала она, одолев подъем. – Не королевские покои, конечно, но тут чисто и очень славно, да и перина отменная. Устраивайся, утенок, и спускайся к нам, как будешь готова. А я пока чайник поставлю.

Анна окинула взглядом тесную комнатку с белеными стенами, низким покатым потолком и всего одним окошком, сидевшим так близко к полу, что если не нагнешься, то наружу и не выглянешь. Окно выходило во дворик, окруженный опять-таки белеными стенами. В дальнем его конце виднелась отдельная будка туалета с длинным жестяным умывальником на стене. Вдали расстилались поля.

Над кроватью висела картина в рамке. Не совсем картина – кусочек ткани с образцами разных вышивальных стежков красными и синими нитками. Крестиком был вышит синий якорь и над ним надпись: «Все испытывайте, хорошего держитесь»².

Девочка уставилась на нее с некоторым недоверием. Все дело было в слове «хорошее». Нет, не то чтобы Анна отличалась особо зловредным поведением. Напротив, в ее школьных табелях в графе «поведение» обычно значилось твердое «хорошо». Просто... не было чувства принадлежности к этому понятию. Ну не чувствовала она себя хорошей и доброй.

Все же она опасливо сказала себе, что комнатка впрямь милая. Простенькая, но славная. И лучше всего, что здесь стоял тот же запах, который она отметила еще внизу. Теплый такой, насыщенный и очень приятный. Ничего общего с городским запахом мастики. Или этой надоевшей хлорки в школе.

Она повесила плащ на деревянный гвоздь за дверью. Постояла некоторое время посреди комнаты, затаив дыхание и прислушиваясь. Идти вниз не хотелось, но не было и уважительной причины задерживаться. Анна мысленно досчитала до шести, тихонько кашлянула и спустилась.

– А вот и наш колокольчик, – встретил ее мистер Пегг. Сидя в своем кресле, он пристально вглядывался снизу вверх. – Ух ты, как выросла-то! Прямо совсем взрослая барышня! Верно, Сюзан?

Анна присмотрелась к его морщинистому и обветренному лицу. Бледно-голубые маленькие глазки прятались под лохматыми нависшими бровями.

– Здравствуйте, – серьезно сказала она и протянула ему руку.

– Колокольчик наш! – Мистер Пегг взял ее руку, рассеянно похлопал. – Как твоя мачеха поживает?

Анна покосилась на миссис Пегг.

– Твоя матушка, – немедленно поправила та. – Сэм спрашивает, в добром ли она здравии.

– Моя мама умерла, – чопорно ответила Анна. – Давным-давно. Я думала, вы знаете.

– Да, да, девочка. Как же нам не знать, – с грубоватой лаской проворчал Сэм. – И твоя бабушка, как ни прискорбно. – Аннино лицо одеревенело вконец, а он продолжал: – Я и говорю вот, мачеха твоя. Миссис Престон. Нэнси Пиггот, как она раньше звалась. Она ж теперь мачеха твоя, или как? Нэнси Престон, она тетка что надо. Сердце у нее всегда доброе было. И тебе она, спорю на что угодно, за добрую мамку. Небось держится молодцом?

Анна ответила официальным тоном:

– У нее все в порядке, спасибо.

У Сэма из уголков глаз разбежались морщинки.

– Только тебе не нравится, что я ее в мамки твои записал, верно?

– А кому же понравится! – сказала миссис Пегг. – Мачеха, матушка – теперь так не выражаются. Ты небось называешь ее «ма», ведь так, милая?

– Я говорю «тетушка», – ответила Анна. Подумала и добавила: – Иногда.

Трудно было объяснить, почему она большей частью не называла миссис Престон вообще никак. Какая в этом нужда, если в доме у них не очень-то многолюдно? Там был только мистер Престон, называвший жену «Нэн». И еще Рэймонд, взрослый, работавший в банке. Он называл свою мать «маманей» и еще по-современному «ма». По мнению Анны, «мамания» звучало как-то глуповато.

Она стояла перед креслом мистера Пегга, томясь и не зная, что еще сказать.

Миссис Пегг пришла ей на выручку.

² Это цитата из Библии – так апостол Павел в одном из своих посланий напутствовал христиан из греческого города Фессалоники.

– Как ее ни зови, а она тебе все равно вместо матери, – обычным своим уютным тоном сказала хозяйка дома. – Ну а ты, я уверена, в глубине души любишь ее почти как маму родную, верно ведь?

– Верно! – сказала Анна. – Даже больше...

Глаза неожиданно защипало: она вспомнила, как миссис Престон бежала по платформе, напоминала ей про открытку...

– Ну и хорошо, – сказала миссис Пегг.

– Мне открытку надо послать, – выговорила Анна. Голос прозвучал громче, чем следовало, уж очень она боялась, как бы он не сорвался. – Я все напишу, а вы мне покажете, где бы ее отправить?

Миссис Пегг пообещала. Открытку можно написать в передней комнате, пока будет готовиться чай.

– Пойдем, покажу! – Она разгладила ладонями подол платья и повела Анну в комнату по другую сторону коридора. – Вон там столик. У окошка.

В небольшой комнате, заставленной мебелью, царила полутьма. Миссис Пегг отдернула занавески, убрала с бамбукового столика пальму в горшке. Потом восторженно склонилась над большой белой вазой, полной розовых и голубых искусственных цветов, занимавшей половину подоконника.

– Прелесть, не правда ли? – Она сдула пыль с пластмассовых лепестков. – Никогда не завянут!

Полюбовалась, концом подола обмахнула фестончатый край продолговатой вазы. Улыбнулась Анне, вышла и прикрыла за собой дверь.

Анна огляделась. Похоже, это была лучшая комната в доме Пеггов. Осторожно, на цыпочках, она прошла по гладкому линолеуму и скользкому коврику у камина. Дома тоже была гостиная – ее в основном использовали по выходным или когда гости приходили. Только эта комната была совсем иной.

Сев за бамбуковый столик, она достала открытку, адресованную «Миссис Стэнли Престон, дом 25 по Элмвуд-Террас, Лондон». Перевернула другой стороной и стала писать:

Доехала благополучно. Здесь очень хорошо. В моей комнате косой потолок и окно у самого пола. И пахнет здесь не так, как дома. Я забыла спросить: можно мне каждый день шорты носить, если не иду никуда, где нужно одеться как-то по-особенному?

Анна помедлила, ей вдруг захотелось приписать нечто более теплое, искреннее, чем обычное «С любовью, Анна». Что именно? Она не знала.

Из кухни доносились приглушенные голоса.

– Бедняжка, – говорила Сэму миссис Пегг. – Совсем малюткой потерять маму... и бабушку! То-то она такая бледненькая, худенькая и невеселая... А впрочем, думается, мы отлично поладим. Что-то засиделась она там со своей открыточкой. Может, мне ей намекнуть, что чай давно заварился?

Анна все грызла ручку, сидя в гостиной. Снаружи, наполовину загороженный вазой с искусственными цветами, дремал на солнышке маленький сад. Над яркими чашечками цветов с гудением носились пчелы. Внутри по стеклам закрытого окна ползали мухи. Чувствуя себя такой же пленницей, Анна рассматривала пластиковые гортензии и пыталась сообразить, как бы сообщить миссис Престон, что она вправду любит ее... но чтобы при этом и обязательств особых не принимать...

– Деточка, чай скипел! – объявила миссис Пегг, подойдя к двери.

К этому времени Анна успела остановиться на варианте «с большущей любовью» взамен просто «любви». И еще добавила постскриптум:

Шоколадка была очень вкусная. Я на вечер немножко оставила.

Она знала, что миссис Престон это непременно понравится. А ее саму ни к чему бесповоротно не обяжет. Все может быть. Может, ей не очень-то захочется тетке на шею прыгать, когда она вернется домой.

Глава третья

На грузовом причале

– Прямо по дорожке, а на перекрестке – налево, – сказала миссис Пегг. – Немного прой-
дешь, там как раз будет и почта. А если направо свернуть, выйдешь к заливу. Ступай, оглядись!
Она ободряюще кивнула Анне и вновь скрылась за дверью.

Почту девочка нашла без труда. К ее удивлению, отделение размещалось в коттедже
вроде того, где жили Пегги. На стене висел плоский ящик для писем, куда она и опустила
открытку. Сделав дело, Анна почувствовала себя вольной пташкой и вернулась на перекре-
сток. Свобода и пустота, как хорошо! Ни с кем не надо говорить, изображать вежливость...
беспокоиться ни о чем не нужно...

Кругом было почти совсем безлюдно. Проехал на велосипеде рабочий с фермы, сказал:
«Добрый день» – и скрылся прежде, чем она успела удивиться. Анна вприпрыжку направилась
короткой дорогой к пристани и скоро увидела впереди длинный узкий залив.

В воздухе пахло солью, с заболоченного противоположного берега доносились крики
морских птиц. Несколько небольших кораблей стояли на якоре, слегка покачиваясь, – при-
ливное течение как раз меняло направление. Анне показалось, что дорога привела ее в совер-
шенно иной мир. Это был мир уединения и спокойствия. Море, корабли, птицы... огромное
небо над головой...

Она так и подпрыгнула, внезапно услышав детские голоса, громкий смех, возгласы:
– Идем скорей! Ждут ведь!

На углу причала появилась ребячья компания. Пять или шесть разновозрастных маль-
чиков и девочек, все в темно-синих, «морских», джинсах и свитерах.

Анна мигом напустила на себя чопорный вид, натянула «обычную» физиономию.

Какое счастье – они направлялись вовсе не к ней. Вопя и толкаясь, ребяташки неслись
к машине, стоявшей в конце дороги. Подбежав, набились внутрь. Дверцы захлопнулись, авто-

мобиль сдал назад и покатил к перекрестку. Анна успела заметить мужчину за рулем, рядом с ним женщину. На заднем сиденье, возбужденно что-то обсуждая, подпрыгивали дети.

Машина уехала прочь. Опять стало очень тихо.

«Как хорошо, – подумала Анна. – Как хорошо, что они отсюда уехали. Хватит уже с меня на сегодня новых знакомств!»

Однако чувство свободы успело незаметно смениться ощущением одиночества. Анна знала: даже если бы они познакомились, подружиться с ними ей не светило. Эти дети были «внутри». Невооруженным глазом видно. «Ну и ладно. Все равно не хочу ни с кем сегодня больше знакомиться...»

А ведь мистер и миссис Пегг были единственными, с кем она говорила после отъезда из Лондона.

С ума сойти, все произошло не далее как нынешним утром! Шум, толкотня, суматоха вокзала Ливерпуль-стрит, нервотрепка, близость прощания... – только и спасало каменное выражение лица. А казалось, сто лет прошло!

Анна прислушалась к плеску воды под бортами лодок. Шлеп, шлеп... Чьи это кораблики, интересно знать? Наверное, каких-нибудь счастливиц. Семей, которые год за годом приезжали в Литл-Овертон отдыхать, а не потому, что у кого-то путались под ногами... не потому, что «даже не пытались»... не потому, что другие люди ума приложить не могли, что с ними делать... мальчики и девочки в джинсах и свитерах, как та семья.

Она подошла к самому краю моря, сняла туфли и носки, зашла в воду и стала смотреть на болото. У горизонта угадывалась гряда дюн, золотившихся на солнце. По обе стороны простиралась морская синева. Над заливом пролетела некрупная птица. Она близко миновала девочку, несколько раз подряд издав короткий жалобный крик. Казалось, птица выговаривала: – Жаль меня! Жаль меня!

Анна стояла, смотрела, слушала... ни о чем не думала. Просто вбирала молчаливую бесконечность низменного берега, небес и воды. Их великая пустота была некоторым образом созвучна маленькому пустому месту у нее внутри. Потом она быстро обернулась, посмотрела назад: показалось, будто за ней наблюдали чьи-то глаза.

За спиной никого не было. Ни на причале, ни на травянистом откосе у поворота дороги. Один или два домика, видимые с берега, казались пустыми, дверь лодочного сарая была заперта. По правую руку среди полей раскинулась деревня. Вдали на фоне неба одиноким силуэтом торчала ветряная мельница.

Анна посмотрела налево. Позади коттеджей тянулась невысокая кирпичная стена, в конце ее виднелась тенистая рощица...

Вот тогда она и увидела тот дом.

Заметив его, Анна сразу поняла: его-то она и искала. Дом выходил фасадом прямо на залив – большой дом, старый, квадратный, со множеством окошек, обрамленных выцветшими голубыми наличниками. Ей не показалось, что за ней наблюдали, – каждое окно именно на нее и смотрело!

Ничего общего с обычными зданиями, что тянутся рядом вдоль длинной улицы, – она сама обитала как раз в таком. Дом стоял сам по себе, выглядел спокойным, невозмутимым и вечным. Казалось, он так долго следил за приливами и отливами, что и думать забыл о суете жизни, происходившей где-то там, на берегу... погрузился в тихую спячку. Наверное, ему снились летние каникулы, пляжные сандалии, разбросанные в комнатах первого этажа, а в верхнем окошке еще развеваются сухие обрывки водорослей, подвешенные кем-то из детей вместо флюгера. В гостиной небось пылятся сети для ловли креветок, и ведерки, и засушенная морская звезда в уголке, и старая панاما, и...

Все это Анна ощущала, пока разглядывала особняк. Ни одну из вещей внутри она не видела и не знала. Или... Однажды, еще когда жила дома, она побывала у моря вместе с дру-

гими детьми, правда почти не помнила той поездки. С Престонами она дважды ездила в Борнмут. Они гуляли по бульвару, сидели среди цветников. Еще они там купались. Отдыхали в шезлонгах. Ходили на вечеринки с концертами.

Нет, здесь все было решительно по-другому. Никакого борнмутского веселья. Старый дом как будто сам собой возник рядом с грузовыми пристанями Литл-Овертона, поглядел на залив, на болота по ту сторону, на открытое море вдали... устроился поудобнее и заявил: «А мне тут нравится! Пожалуй, останусь...»

Так, по крайней мере, все выглядит, думала Анна, рассматривая дом и ощущая некое притяжение. Такой уютный – и вечный...

Она прошла по воде. Оказавшись прямо против дома, остановилась и снова стала смотреть. На темных окнах не было штор. Одно, на верхнем этаже, стояло открытое, но никто не выглядывал наружу. Тем не менее Анна не сомневалась: дом поджидал именно ее. Наблюдал за ней, рассчитывая, что она вот-вот обернется и узнает его... В каком-то смысле так и произошло.

Стоя по щиколотку в воде в нескольких футах от берега, девочка уносилась в вымышленный мир. Накатило странное чувство: все это с нею уже происходило когда-то. Что конкретно она имела в виду – объяснить было непросто. Она как будто покинула себя самое, отступила назад и стала наблюдать за маленькой фигуркой в самом нарядном своем синем платье, с ботиночками и носками в руке. За тем, как эта другая девочка неотрывно созерцала окна старого дома там, за причалом. Она даже отметила с беспокойством, что начался прилив: вода трогала край платья, тот набряк и потемнел...

В это время над головой снова пронеслась серовато-бурая пичуга, прокричавшая:

– Жаль меня! Жаль меня!

Анна содрогнулась, стряхивая грезы. Глянула вниз: вода успела добраться ей до колен. Даже платье замочила немного.

– Кто живет в большом доме у самой воды? – спросила она миссис Пегг, вернувшись и попивая на кухне какао.

– Большой дом у самой воды? – рассеянно переспросила миссис Пегг. – Ты о каком это?

– О том, где окна с голубыми наличниками.

Миссис Пегг повернулась к Сэму. Тот ел бутерброд с сыром, поддевая ножом маринованные огурчики и отправляя их в рот целиком.

– Сэм! Кто живет в большом доме у воды, в том, где голубые наличники?

Некоторое время тот задумчиво смотрел в пространство. Потом сказал:

– Э, ты это небось о Болотном Доме? Вроде я и не слышал, чтобы там кто-нибудь жил.

А ты, Сьюзан?

Миссис Пегг покачала головой:

– Я тоже не слышала. Но я никогда и не хожу к пристани, так откуда мне знать? Хотя... Ходил слушок, будто джентльмен какой-то из Лондона купить его собирался, мисс Мандерс на почте как-то обмолвилась. Помнится, прямо так и сказала: «Только ремонту там сущая погибель. Слишком долго пустой стоял...» Хотя как знать, может, вовсе и не о том доме речь шла.

– А что за дети в темно-синих джинсах и свитерах? – спросила Анна. – Большая такая семья.

– Вот уж понятия не имею. – Миссис Пегг выглядела вконец озадаченной. – В сезон отпусков ребятни здесь полным-полно, и все примерно так и наряжены. И не знаю даже, что тебе сказать. А ты, Сэм?

Мистер Пегг мотнул головой и предположил:

– Могли всего на день приехать.

– Да, пожалуй, – согласилась Анна, вспомнив автомобиль.

Тем не менее она чувствовала некоторое разочарование. Она-то почти успела решить, что они и были хозяевами особняка у воды. Уж больно подходило ему именно такое семейство.

– Еще что-нибудь тебе рассказать, милая? – улыбнулась миссис Пегг.

– Ой, да, – вспомнила Анна. – А что это за птичка все кричит «жаль меня, жаль меня»?

Миссис Пегг как-то странно на нее посмотрела:

– Тебе уже в постельку пора, милая. День был длинный, одна поездка чего стоит! Пойдем, устроиться тебе помогу.

Она с усилием выбралась из кресла и понесла чашки в раковину.

Анна тоже поднялась, глядя на мистера Пегга, жевавшего хлеб с сыром.

– Тогда спокойной ночи, – сказала она.

– Спокойной ночи, колокольчик! – ответил он рассеянно. – А птичка... Может, это песочник был? Он правда так кричит... словно на одиночество жалуется. – И добавил со смешком: – Хотя я раньше что-то не слышал, чтобы его песенку такими словами передавали!

Глава четвертая

Старый дом

Проснувшись на другое утро, Анна перво-наперво подумала о старом особняке. Кажется, она не переставала о нем размышлять даже во сне. Потому что, открыв глаза и увидев над собой покатуую белизну потолка, вдохнув настоявшийся, теплый, уютный запах коттеджа, она, толком еще не пробудившись, сказала себе: «Надо поторопиться! Он ведь меня ждет!»

И только потом до нее дошло, где она находится.

Какое счастье, что поезд в Норфолк уже остался в прошлом! Похоже, Анна даже не осознавала, насколько в действительности боялась ехать. Путешествие виделось ей страшноватым приключением, пугающей вылазкой в неведомое... зря, что ли, последние несколько недель домашней жизни были сплошной подготовкой. И вот все отгремело, она прибыла на место назначения. И может сразу, как только удастся, снова отправиться к заливу, проведать тот дом.

За завтраком миссис Пегг спросила ее:

– Не хочешь прокатиться со мной на автобусе в Барнэм? Я туда раз в неделю в магазин езжу. Проветришься за компанию, милая?

Анна глядела на нее с сомнением.

– Или, может, лучше поиграешь с Сандрой, что с угла? – предложила миссис Пегг. – Хорошая девочка, такая паинька и говорит вежливо. Я с ее мамой знакома. Хочешь, я тебя туда отведу?

Этот вариант показался Анне еще более сомнительным.

Сэм спросил, разглядела ли она вчера ветряную мельницу. До нее порядком было идти, да и смотреть, как доберешься, особо не на что... но все же – занятие.

Миссис Пегг так и напустилась на мужа. Не нужно маленьким девочкам так далеко забредать, да еще и вдоль шоссе!

– А, ну да, конечно, что это я, – спохватился Сэм. – Забудь, колокольчик. Я тебя, может, как-нибудь сам туда отведу.

Анна поблагодарила и стала уверять, что вполне обойдется и без особых развлечений.

– Я в самом деле бездельничать ужасно люблю, – совершенно искренне объяснила она.

Пожилая чета дружно рассмеялась. Анна, желавшая, чтобы ее принимали всерьез, усталилась на скатерть, привычно напустив на себя «обычное» выражение.

– Нет, так дело не пойдет, незачем тебе день-деньской сидеть сложа руки на кухне, – сказала наконец миссис Пегг. – Я тут убираю, готовлю, я на Сэма-то, бывает, прикрикну, чтобы под ногами не путался...

Пришлось перебить:

– Нет, нет, я имела в виду – на улице. Можно, я на залив схожу?

Миссис Пегг испытала явное облегчение. Она-то уже испугалась, что Анна захочет провести весь день в передней комнате, которую она, кроме некоторых особых случаев, держала запертой на ключ. Конечно же, Анна могла отправиться на залив. Если будет отлив, отчего бы не прогуляться через болота до пляжа. А если прилив, можно переправиться на лодке Многоватика.

– Раз уж ты не возражаешь гулять сама по себе, – заключила она.

Анна заверила ее, что так оно и есть.

– Тогда тебе как раз подойдет прокатиться на лодке с Многоватиком Вестом, – вмешался Сэм. – Вот уж кто терпеть не может болтать! – Он неторопливо размешивал чай черенком вилки, с надеждой поглядывая через стол на Анну. – Думаешь небось, ну и странное же имечко, а? – спросил он, улыбаясь.

Анна ни о чем таком даже не думала, но из вежливости ответила:

– Да, конечно.

– Ну тогда, коли спрашиваешь, я тебе расскажу, как так оно все получилось, – оживился Сэм. – Дело в том, что маменька Многоватика, старая то бишь миссис Вест, родила прежде него еще десятерых. Они и спрашивают ее все хором: «Мамуль, а как ты его назовешь?» – «Один Боженька знает, – устало отвечает она. – Многоватенько я вас нарожала, это уж точно!» Вот как оно было! – Сэм фыркнул в чашку и рассмеялся. – С тех пор парень так и остался Многоватиком.

Выбравшись наконец из дома, Анна побежала к причалам. Стоял отлив, узкая полоса воды больше напоминала речку. Вновь увидев старый особняк, Анна испытала некоторое разочарование. Оказавшись вместо водной глади над замусоренной полосой отлива, тот отчасти утратил свое волшебство. Однако, приглядевшись, девочка убедилась: перед ней был все тот же дом – спокойный, доброжелательный... манящий. Анна как будто пришла навестить старого друга и застала его дремлющим, только и всего.

Девочка взобралась на береговой обрыв, цепляясь за пучки травы, и медленно прошлась по дорожке, искоса заглядывая в окна. Вступала она или нет в чужие владения, наверняка сказать было трудно. А чтобы рассмотреть хоть что-то внутри, нужно было подойти вплотную и прижаться к стеклу лицом. Только представить – заглядываешь вот так, а оттуда тоже кто-нибудь смотрит! Ей все больше казалось, что она вздумала подглядывать за спящим. Она подошла еще ближе и увидела в очередном окне отражение собственного лица – бледного, большеглазого.

Пегги были правы, решила она. Здесь никто не живет. Тем не менее дом заброшенным не казался; скорее, он просто ждал, чтобы его обитатели вернулись. Осмелев, Анна отважилась заглянуть в узкие боковые окна по сторонам входной двери. На подоконнике стоял фонарь, у стены – порванный сачок для ловли креветок... Посередине обширной прихожей начиналась лестница, уводившая вверх.

Больше ничего рассмотреть не удалось. Анна съехала по обрыву, вброд перешла на другую сторону залива. Уселась и долго сидела, подперев руками голову, глядя на особняк и ни о чем не думая. Если бы миссис Престон могла сейчас ее видеть, она бы забеспокоилась пуще

прежнего – но она была за сто миль отсюда, катила по супермаркету тележку с покупками. Она не учла, что в местечке вроде Литл-Овертона можно день-деньской ни о чем не думать – и ни одна живая душа не заметит.

Потом Анна вправду села в лодку Многоватика Веста и поехала на пляж. Мистер Вест оказался ровно таким необщительным, как описывали его Пегги. Он был невысокий, сутулый, с худым морщинистым лицом, а глаза его, казалось, раз и навсегда сощурились против солнца, всматриваясь в даль. Ворчливо поздоровавшись с девочкой, он как будто напрочь перестал ее замечать. Анна уселась на носу, стала смотреть вперед и тоже прекратила обращать внимание на лодочника. Все было прекрасно, но она вдруг почувствовала себя еще более одинокой. Было даже страшновато чуть-чуть. Сколько неба, сколько воды! Кажешься себе такой маленькой...

Потом она в одиночестве сидела на берегу, пока Многоватик где-то поодаль копал землю в поисках наживки. Анна рассматривала длинную, приземистую россыпь деревенских домов, пытаясь найти Болотный Дом. Чудеса да и только – его нигде не было. Вот лодочный сарай, вот белое здание на углу, вот силуэт ветряка вдали... А там, где полагалось стоять Болотному Дому, виднелась лишь голубовато-серая полоса деревьев.

Анна даже встревожилась. Дом просто обязан был там стоять! Потому что, если нет, на свете не останется ничего надежного... ничто больше не будет иметь значения... Она зажмурилась, заново открыла глаза, напрягла зрение. Особняка не было. Анна села на песок, изобразила самую-пресамую каменную физиономию, показывая всему миру, что ни в ком не нуждается и ничегошеньки не боится. Подтянула колени к подбородку, обхватила их руками. Так и сидела, свернувшись в тугой комочек, пока не подошел Многоватик с вилами и ведерком наживки.

– Замерзла? – буркнул он, присмотревшись.

– Нет.

Анна забралась следом за ним в лодку – и больше они ни единым словом не обменялись. Лишь после, когда они вывернули из-за поворота залива и старый особняк начал постепенно проявляться в тени деревьев, Анну окатила такая жаркая волна облегчения, что она едва не выпалила вслух: «Вот же он!»

Конечно же, дом все время там и стоял. Старая кирпичная кладка и наличники, крашеные голубым, просто слились с густой зеленью сада. Было и кое-что еще. Пользуясь приливом, лодка прошла совсем близко от его окон, и Анна отчетливо увидела: дом больше не спал. Он снова присматривался, кого-то ждал. Ей даже показалось – дом узнал ее и обрадовался ее возвращению.

– Хорошо провела время? – спросила миссис Пегг. Она хлопотала на кухне, жарила колбаски с луком.

Анна кивнула.

– Ну и отлично, утеночек. Развлекайся, как душевнечке угодно.

Сэм шутливо добавил:

– Будешь хорошо себя вести – однажды сходим на мельницу.

Глава пятая

Как душевнечке угодно

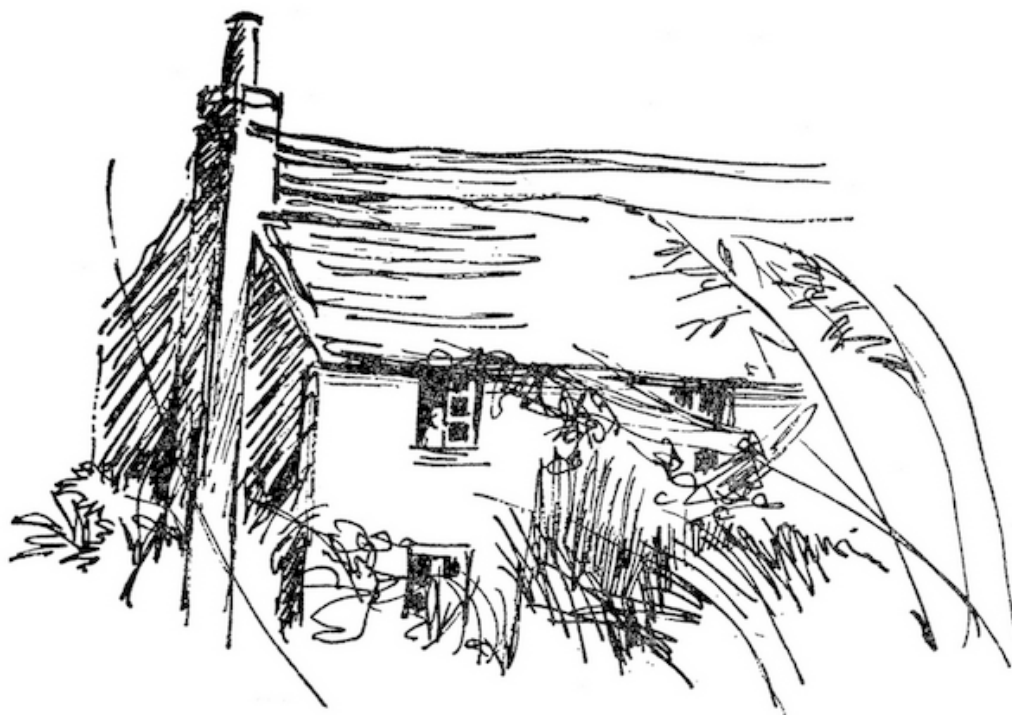

Так оно и пошло. Анна бродила, где хотела, и развлекалась, как пожелает. Живя в Литл-Овертоне, она могла выбирать между тремя разными мирами. Первый – это мир коттеджа Пеггов, маленький, уютный и теплый. Второй мир встречал ее у причалов, где покачивались лодки и стоял Болотный Дом, высматривавший ее всеми своими окнами. И еще был мир побережья, где над головой закладывали круги огромные чайки, а в дюнах можно было обнаружить кроличью норку или скелет дельфина, белеющий в мелком песке.

Вот такие разные миры. Для Анны важнейшим был тот, где возле пристани смотрелся в водную гладь старый дом.

Мало-помалу вместо размышлений ни о чем Анна стала почти все свое время посвящать раздумьям о Болотном Доме. Воображала семью, которая могла бы там поселиться. Прикидывала, как все выглядело внутри. И как славно было там осенними вечерами: шторы плотно задернуты, в камине огонь...

Как-то вечером, направляясь домой по тропинке через болота, Анна увидела в окнах свет и пустилась бегом: похоже, они приехали, пока она гуляла по пляжу! Если как следует поторопиться, может, ей удастся их даже увидеть, пока не зашторены окна: всех этих ребяташек в синих джинсах и свитерах... Приблизившись, она поняла, что ошиблась. Окна не светились – в них всего лишь отражался закат.

В другой раз она увидела – ну, или думала, что увидела, – лицо, прижатое к стеклу с той стороны. Девочка с длинными светлыми волосами, свисавшими по обе стороны, смотрела наружу. Потом лицо скрылось. Однако ощущение взгляда никуда не пропало. Пустой дом смотрел на нее. Анна начала к этому привыкать.

Пегги только радовались, что она так удачно вписалась в деревенскую жизнь. По их мнению, бледненькой городской девочке бесконечные странствия по берегу и полям были очень на пользу; лишь бы исправно являлась домой в назначенные часы и ела как следует, а больше и волноваться не о чем. Миссис Пегг так и сказала мисс Мандерс на почте:

– Славная девочка, никакого беспокойства не причиняет.

Миссис Престон написала Анне, отвечая на посланную открытку. Она радовалась, что Анна так хорошо устроилась. Конечно, она могла бегать в шортиках, если миссис Пегг ничего против не имеет. «Очень ждем твоих рассказов обо всем интересном, чем ты там занимаешься, – писала она. – Но если у тебя нет времени на основательное письмо, нам и открыточки хватит...» Еще в конверте лежала свернутая записочка с таинственной надписью на обороте: «После прочтения сжечь!»

«В доме правда воняет? – гласила она. – Напиши, чем именно!»

Анна, благополучно успевшая позабыть свое замечание о необычном запахе в жилище Пеггов, некоторое время рассеянно гадала, что миссис Престон имела в виду. Она послушно сожгла записку да и выкинула ее из памяти. Купила на почте открытку с изображением котенка, забравшегося в цветочный горшок, и написала:

Простите, что не ответила раньше, просто по четвергам почта не работает, а больше нигде открытки не продаются.

Оставалось место еще для одной строчки, и она приписала:

Я ходила на пляж. С любовью, Анна.

Добавила «ХХ», чтобы показать размеры любви, и бросила в ящик. Дело сделано! Что миссис Престон, возможно, будет разочарована столь скуными новостями, ей и в голову не пришло.

В один прекрасный день коттедж посетила Сандра с угла, в сопровождении мамыши. Обед, как назло, припоздал, так что Анна просто не успела потихоньку удрать через кухонную дверь.

Сандра оказалась белокурой и плотненькой. Платье у нее было коротковатое, колени слишком толстые, и говорить с ней хоть о чем-нибудь решительно не получалось. Вечер пропал даром. Анна уныло дулась с Сандрой в карты за кухонным столом, пока миссис Пегг и Сандрина мама беседовали в гостиной. Что касается карточных игр, Анна и Сандра привыкли к разным вариантам, вдобавок Сандра жульничала... и ни одной общей темы для разговора так и не нашлось.

Кончилось тем, что Анна сгребла все свои карты на Сандрину сторону и сказала:

– Вот, держи. Считаю, что выиграла.

– Еще чего!

Сандра густо покраснела, надулась и принялась раскачиваться в кресле-качалке. Остаток вечера она изучала кружева на своей нейлоновой нижней юбочке и наматывала на палец прямые соломенные пряди, пытаясь сделать из них локоны. Анна сидела в противоположном углу, читала «Домашний журнал» миссис Пегг и дожидаться не могла, когда же гости уйдут.

После этого она доставляла Пеггам еще меньше пресловутых хлопот. День-деньской торчала на улице, а то, чего доброго, опять играть с Сандрой заставят!

Как-то вечером, когда они возвращались с побережья, где Многоватик собирал плавник, а она искала ракушки, лодочник неслышанно изумил ее, произнеся аж целую фразу. Лодка уже подходила к причалу, когда он указал подбородком через плечо и буркнул по обыкновению ворчливо:

– Верно, скоро приедут.

– Кто приедет? – Анна от удивления так и встрепенулась.

Многоватик снова указал подбородком на берег:

– Ну те, что Болотный Дом купили.

– В самом деле? Когда? А кто они такие?

Многоватик бросил на нее взгляд, полный глубочайшей жалости и презрения, – и насовсем закрыл рот. Анна с опозданием осознала свою ошибку. Она проявила слишком жгучее любопытство, задавала сразу много вопросов. Надо было этак сонно поинтересоваться чем-то одним, тогда, может, и удалось бы выжать из него то, что ей хотелось узнать. Что ж, ладно, и так скоро все выяснится. Можно будет Пеггов вечером расспросить...

Однако по зрелом размышлении Анна оставила эту затею. Еще решат, что она вздумала подружиться с будущими жильцами, а это в ее планы ну никак не входило. Она хотела лишь разузнать о них, а вовсе не знакомство сводить. Постепенно выяснить, кого как зовут, выбрать кого-то одного, кто ей понравится, угадать, кто в какие игры играет... даже что они там на ужин едят и когда спать укладываются.

Если ее заставят знакомиться, все будет испорчено. Будет как со всеми: дежурное дружелюбие, и не более. Они, пребывая «внутри», станут присматриваться к ней, находящейся «вовне»... ожидать, чтобы ей нравилось то же, что им, чтобы у нее были такие же вещи, сходные занятия. Когда же выяснится, что ни о чем подобном и речи нет – или что там неизменно отодвигало ее за грань, – они утратят к ней интерес. Хоть бы напрямую возненавидели, что ли. Но нет, ей и этого не доставалось. Ее просто вежливо отчуждали, и тогда уже ей оставалось их ненавидеть. Без яростных выхлопов, холодно... с «обычным» выражением на лице.

Но нет, эта семья окажется совсем не такой. Она ведь в «ее» доме жить будет. Значит, просто обязана оказаться совершенно особенной. Это будет «ее» семья... доколе она сумеет держаться на расстоянии и не знакомиться с ними.

Поэтому Анна не стала передавать Пеггам услышанное от Многоватика, оставив при себе жгучий секрет, касавшийся новых соседей. Дни шли за днями – Анна все больше давала волю воображению, так и этак рисуя себе эту семью и все более уверяясь в том, что настоящими эти люди просто не могут быть.

Глава шестая

«Чопорная дурнушка»

В тот вечер Анна и Многоватик возвращались домой – прилив поднялся особенно высоко.

Небо было персикового цвета, вода – настолько спокойной, что в ней, точно в зеркале, отражалась каждая камышинка, каждая лодочная мачта. Прилив далеко затопил низменные болота. Пока лодка пробивалась против течения, Анна смотрела через борт, созерцая сквозь толщу воды то водоросли, то болотную зелень. Потом они миновали последний поворот, и она по обыкновению подняла голову – поприветствовать Болотный Дом.

Позади него небо уже приобретало зеленовато-желтый оттенок, прямо над каминной трубой висел тоненький месяц. Лодка подходила все ближе... и Анна абсолютно ясно разглядела в верхнем окне девочку. Та терпеливо стояла на месте, ее причесывала женщина, чей силуэт смутно угадывался в глубине комнаты. Лишь девочку было отчетливо видно в темном прямоугольнике окна. Анна даже рассмотрела, как щетка приподнимала ее длинные светлые пряди.

Быстро отвернувшись, она бросила взгляд на Многоватика, но тот ничего не заметил. Он смотрел вперед, на причал, куда собирался пришвартоваться.

Анна бегом припустила домой, но, выскочив из-за угла, остановилась. У ворот стояли и разговаривали миссис Пегг и мамаша Сандры. В оранжевом свете заката их лица приобрели кирпичный оттенок. Миссис Стаббс была крупная женщина с черными блестящими глазами и скрипучим голосом. Анне совсем не хотелось с ней встречаться. Она отступила в тень живой изгороди и стала ждать, пока та уйдет.

– Заглянете к нам сегодня? – спрашивала миссис Стаббс. – Ко мне сестра из Линна приехала, выкройки привезла.

– В самом деле? – с живейшим интересом спросила миссис Пегг, но запнулась. Неуверенно добавила: – Но вы же понимаете, у меня девочка...

– Ой, а я и забыла. Она у вас чуточку неуклюжая, верно? Моя Сандра сказала... – Тут она понизила голос, и Анна не расслышала, что же сказала про нее Сандра.

– Ну, не знаю... может быть, – ответила миссис Пегг. – Я, впрочем, в отношения детей вмешиваться не люблю. По мне – ну, не подружились, и бог с ними.

– Моя-то Сандра очень к ней потянулась, – продолжала миссис Стаббс. – Лучшее платьице надела, вы только подумайте, и новенькую нижнюю юбочку! А потом и говорит мне: «Мама, я такой чопорной дурнушки в жизни не видела!»

– Ладно, ладно, – мягко перебила миссис Пегг, поворачиваясь к воротам. – Только не пересказывайте мне, что она там наговорила: я и знать не хочу. – И стукнула щеколдой: – Всяко-разно, с нами она сущее золотко! – Теперь, оказавшись у себя во дворе, она говорила почти с вызовом: – Наверное, мы с Сэмом и не сможем сегодня. Все равно – спасибо за приглашение!

– Ну, как вам угодно, – сказала миссис Стаббс. – Завтра-то вечером в «Бинго» придете?

– Вот и договорились. Увидимся завтра в «Бинго».

И миссис Пегг ушла в дом.

Анна дождалась, пока миссис Стаббс удалилась, и проскользнула с заднего крыльца. Миссис Пегг готовила ужин, доставала из буфета масло и хлеб. Она выглядела немного запыхавшейся, даже волосы растрепались. С Анной, однако, она поздоровалась как обычно.

– Вот и ты, милая! Садись скорее, чай как раз закипел... – И оглянулась на Сэма: тот отложил газету, пододвинул кресло к столу. – Что сегодня по телевизору?

Сэм удивленно посмотрел на нее:

– А ты разве на угол сегодня не идешь? К миссис Стаббс сестра вроде приехала...

Миссис Пегг покачала головой:

– Нет, сегодня не пойду. Это дело подождать может. – Она покосилась на Анну, потом сказала: – Знаешь, деточка... следующий раз, как увидишь миссис Стаббс или маленькую Сандру, ты уж будь с ними чуточку поприветливее, хорошо?

Анна ляпнула:

– Вы ведь из-за меня идти не хотите?

– Конечно же нет, с чего ты взяла? – изобразила удивление миссис Пегг. – Я просто на тот случай, если вдруг они тебя пригласят... вот и говорю: ты уж с ними подружелюбнее. Надо же тебе выбираться куда-то!

– Мне и тут хорошо, – пробормотала Анна.

Но миссис Пегг ее не услышала: она вновь пыталась выяснить у Сэма, что будет по телевизору.

– Бокс передают, – ответил он немного виновато. – Тебе вряд ли понравится.

– Да ладно, – сказала миссис Пегг. – Сегодня поинтересуюсь для разнообразия. Посмотрим с тобой вдвоем.

– Свежо предание! – Сэм повернулся подмигнуть Анне. – Не будет она бокс смотреть, и все тут!

Но Анны уже не было в комнате.

Она сидела наверху, на краешке постели, ненавидя себя и весь мир. Это по ее вине миссис Пегг не идет сегодня к Стаббсам. Сандра, жирный поросенок, обозвала ее чопорной дурнушкой. Миссис Пегг, добрая миссис Пегг, не захотела ее слушать, сказала, что Анна золотко... и все равно в гости из-за нее не идет, глупость какая... А она сама – всех глупее... И Сэм, с его боксом дурацким... А уж эта миссис Стаббс!.. Слов нет!.. Нет, надо было миссис Пегг в гости пойти, тогда Анна не мучилась бы чувством вины. Она смотрела на вышивку в рамочке – и даже ее ненавидела. «Все испытывайте, хорошего держитесь». А где оно, это хорошее, кто его вообще видел? Его якорь изображает, что ли? Таскать с собой якорь день-деньской... даже если бы он вправду был... выглядеть дура душой...

Она повернула рамку лицевой стороной к стене и подошла к окну. Опустилась на колени и стала смотреть на поля, розовевшие в свете заката. Беспомощные слезы прокладывали по щекам горячие дорожки. Все было плохо. И сама Анна – всех хуже.

На миг ей почти захотелось домой, в Лондон. Однако потом вспомнились все несчастья последнего школьного года, особенно перед поездкой. Нет уж! Здесь было все-таки лучше!

Так она и сидела, прислушиваясь к уже знакомым звукам деревни. Голоса в полях, далекое пыхтение трактора... рев последнего барнэмского автобуса на спуске с холма. Когда на прибрежной дороге вновь воцарилось спокойствие, стали слышны птичьи крики над болотами и всякие постукивания и шорохи, источника которых она еще не нашла. Поздними вечерами тишина накрывала деревню, как одеяло. Собака залает – из конца в конец слышно.

Слезы постепенно высохли на щеках. Поля затягивала темнота, становилось все тише. Анна постепенно забыла о том, что миссис Пегг не пошла в гости, и вместо этого начала думать о девочке, замеченной в окне Болотного Дома. Почему ей волосы расчесывали? Спать ложиться было вроде рановато. И надето на ней было что-то легкое, летнее, уж точно не ночная рубашка. И малышкой девочка не выглядела, – скорее, примерно ровесницей Анне...

Неожиданная мысль потрясла ее: а что, если девочку собирали на вечеринку? Да, так, должно быть, и есть! Она небось стояла у окна в нижней юбке, ей укладывали волосы, а рядом на постели лежало нарядное белое платье... и на полу – изящные серебристые туфельки...

Теперь, в сумерках, она наверняка как раз спускается по той лестнице в зал. Всюду яркие огни, все танцуют...

Сидя с поджатыми ногами у окна, Анна снова принялась грезить наяву, представляя все воочию, – но не так, словно сама там находилась, она скорее наблюдала сквозь окно, стоя на дорожке у дома. В узкое окно возле двери было видно мелькание нарядных платьев, лица угадывались хуже, только было заметно – гости весело смеялись. А потом они повернулись и стали смотреть в одну сторону. Туда, где, осторожно переступая серебряными туфельками, спускалась по лестнице белокурая девочка.

Анну словно унесло прочь от Болотного Дома: теперь она стояла у края болот, на другом берегу залива, глядя на золотые дорожки, тянувшиеся по воде от ярко светившихся окон. Обрывками долетала музыка, мешаясь со вздохами ветра в тростниках...

Воображаемая картина была такой живой и яркой, что Анна чувствовала ее истинность. Наверняка все именно так и происходило. Поднявшись, девочка закрыла окно. Ноги затекли от долгого сидения. Дрожа от холода и в какой-то мере от возбуждения, она, хромая, пересекла комнату, спустилась вниз. Выскальзывая наружу, услышала с кухни приглушенный звук телевизора: передавали боксерский поединок. И как эти взрослые умудряются посвящать целый вечер подобной скучище?..

Анна поспешила на берег залива. Она бежала босиком, напряженно ожидая услышать звуки музыки, высматривая огни в окнах: теперь, в сумраке, их будет отчетливо видно через залив...

Свернув за угол, она остановилась как вкопанная.

Впереди все было темно. И залив, и деревенские домики на берегу, и причал. А там, где стоял Болотный Дом, виднелись лишь черные силуэты деревьев. Нигде ни огонька. Лишь вдали вспыхивал и пропадал луч плавающего маяка, каждые полминуты чертя в небе дугу. И музыки не было. Только вода плескалась о лодочные борта, да время от времени такелаж хлопал по мачтам...

Некоторое время Анна стояла в полной растерянности. Потом откуда-то с болот донесся жутковатый, полоумный крик чибиса. Девочка развернулась и со всех ног убежала домой.

Глава седьмая «...и жирная свинушка»

«Что за глупости», – размышляла Анна на следующее утро. Мало того что она до смерти расстроилась из-за реальных вещей, она пыталась вызвать к жизни вещи воображаемые. А это не срабатывало никогда.

Спускаясь к завтраку, она исполнилась решимости как-то восполнить для миссис Пегг пропущенный поход в гости, чем-то помочь.

– Может, я посуду помою? – опасливо спросила она, подходя к кухонной раковине после еды.

– Господи, утенок, да о чем ты? Очень мило с твоей стороны, но мне это один миг... – Миссис Пегг казалась растроганной и слегка удивленной. – А знаешь, если ты не прочь, в самом деле можешь кое-что для меня сделать! Пойдешь на болота, собери для меня морской спаржи, хорошо? А по пути обратно, может, еще заглянешь к мисс Мандерс, вдруг у нее найдутся ненужные баночки для варенья. Сэм так любит морскую спаржу, если замариновать...

Растение называлось критмум, или морской укроп, или морская спаржа, – в общем, Анна поняла, что за трава имелась в виду. Запасшись большим черным пластиковым мешком, она отправилась на залив.

Стоял один из тех пасмурных, жемчужно-серых безветренных дней, когда море и небо сливаются в единое целое и все как бы смягчается, становясь задумчивым и печальным. Сэм обмолвился за завтраком, что его ревматизм совсем расхотелся, – «будто черти клещами хватают», – но Анне такая погода как раз нравилась больше всякой другой. Очень уж подходила под ее внутренний настрой.

Стоял отлив. Девочка вброд перебралась на ту сторону, даже не оглянувшись на особняк. Над болотами висело лиловатое марево: это цвел кермек, или морская лаванда. Не собрать ли и его немного, когда будет покончено с морской спаржей?

Часа два Анна бродила по сырым луговинам, перепрыгивая ручьи, наступая то на упругие кочки, то в черную грязь; лишь буровато-серые птицы окликали ее издали: «Жаль, жаль меня!» Морская спаржа была зеленой и сочной, правда Анна не находила в ней особого вкуса – соль, да и все. Набив полный мешок, она решила отложить морскую лаванду на другой раз – и направилась к почте.

Мисс Мандерс посмотрела на девочку поверх очков, выдала дежурную улыбку и приготовилась слушать. Анна передала ей просьбу миссис Пегг, заметив в то же время, как следом за ней в отделение вошел кто-то еще. Скосила глаза и обнаружила, что это Сандра и с ней еще какая-то девочка.

– Миссис Пегг сказала, у вас могут найтись баночки для варенья, и, если можно, еще укуса немножко, – докончила она, остро чувствуя, что обе девочки на нее смотрят, а Сандра еще и шепчет что-то подружке.

Та, помладше возрастом, вдруг звонко расхохоталась. За спиной Анны поднялось шушуканье, потом возня.

Когда мисс Мандерс ушла за баночками, Анна оглянулась, постаравшись выглядеть по возможности дружелюбнее. Как она ни старалась, взгляда Сандры перехватить не удалось: та все время держалась к Анне спиной, притворяясь, будто разглядывает открытки на стойке, и приглушенным голосом разговаривала со спутницей. Та снова расхохоталась – и оглянулась на Анну через плечо. Сандра же уставилась на ящик пустых бутылочек из-под имбирного пива и преувеличенно громко произнесла:

– А если у вас еще ненужные бутылки есть, налейте в них пива, будьте так добры!

Тут рассмеялись уже обе. Анна почувствовала себя очень неловко, но решимость поймать взгляд Сандры не покидала ее. Она даже шагнула вперед, собираясь поздороваться, но в это время вернулась мисс Мандерс.

– Скажешь миссис Пегг, что баночки у меня есть, но придется заглянуть за ними попозже, – сообщила она Анне. – Вечно они оказываются где-то там, в глубине.

– Спасибо большое, – поблагодарила Анна и направилась было к двери, но вспомнила про укус.

Пришлось вернуться, занять позицию за спинами девочек и ждать, пока мисс Мандерс выдаст им по вафельному рожку с мороженым. Потом зазвонил телефон; мисс Мандерс,

решив, что Анна всего лишь поджидает подружек, закрыла кассу и пошла отвечать на звонок. Тут Сандра и повернулась к Анне лицом.

– Что ты за мной всюду таскаешься? – требовательно спросила она.

– Я не таскаюсь...

– Еще как таскаешься! Правда ведь?

Вторая девочка кивнула, аккуратно облизывая мороженое. Сандра высунула язык, продолжая глядеть прямо на Анну, потом, не отводя взгляда, подняла мороженое и провела им по языку, слева и справа.

Анна тоже не отводила взгляда, с удовольствием подмечая, что мороженое внизу рожка подтаяло и вот-вот закапает Сандре передок платья.

– Я лишь поздороваться собиралась, – начала она холодно, но Сандра перебила:

– Ну давай, давай! Обзывайся!

– В смысле как – обзывайся?

– А как хочешь! Мне все равно! Я-то уж знаю, как ты сама выглядишь!

Она отвернулась и, хихикая, стала шептать что-то подружке. Подтаявшее мороженое шлепнулось ей на платье и потекло вниз.

Анна смотрела на нее с презрением.

– Толстая свинюшка, – сказала она и повернулась, чтобы уйти.

Сандра загрозила ей дорогу. Она только сейчас заметила потек на своем платье и яростно счищала его.

– А я тебе вот что скажу! – брызгая слюной, закричала она. – Ты сама еще хуже! Ты сверху донизу сама вся такая! Вот!..

В полном изумлении Анна покинула почту, начисто забыв про уксус. Она притворилась, будто не услышала, но на самом деле Сандра успешно нанесла ей удар ниже пояса. «Сверху донизу сама вся такая», – сказала она. А какой Анна на самом деле была?

Анна сердито шла по улице, срывая маки вдоль дороги и сминая в руке, так что раздавленные лепестки пачкали ей пальцы. Она слишком хорошо знала, что представляет собой на самом деле. Она была уродина со скверным характером, глупая, неблагодарная... и грубиянка в придачу. Поэтому ее никто и не любил. Но чтобы Сандра вот так заявляла об этом!..

Нет ей никакого прощения и не будет...

Оставив мешок с критмумом за сараем, она мрачно отправилась обедать.

Миссис Пегг еще не успела прослышать о ее столкновении с Сандрой, но, конечно, очень скоро узнает. Уж миссис Стаббс о том позаботится. Обязательно доложит ей, что Анна обозвала ее доченьку толстой свинюшкой, – и это после того, как миссис Пегг так просила ее казаться дружелюбней!

Анна заранее готовилась к тому моменту, когда миссис Пегг обо всем узнает. Она сидела с угрюмым видом и односложно отвечала на неизменно доброжелательные вопросы.

– Не возражаешь пообедать, милая?

– Ничуть.

– Я сегодня печеночки приготовила. Любишь печенку?

– Вполне.

– Что с тобой, утенок? Утром не с той ноги встала?

– Нет.

– Ну, стало быть, все в порядке. Тебе бекончику положить? С лучком?

– Да.

Миссис Пегг склонилась к ней, держа в руке сковородку.

– Вообще-то, – с легким раздражением сказала она, – от «спасибо» ни у кого еще мозоль на языке не выскочила.

– Спасибо, – произнесла Анна.

– Вот и умница. Садись и кушай на здоровье. Может, настроение и улучшится.

Анна молча покончила с едой, потом встала и хотела уйти. Когда она проходила мимо Сэма, по обыкновению сидевшего в кресле, он вытянул руку и остановил ее:

– Что с тобой, колокольчик?

– Ничего.

Она изо всех сил делала вид, будто не замечает вытянутой руки. При всем том, что ей вдруг отчаянно захотелось плюхнуться подле него на пол и все как есть ему вывалить. Но вряд ли она сумела бы проделать это без слез, а самая мысль о слезах привела ее в ужас. И потом, ее обязательно не так поймут. С миссис Престон всегда так и бывало. Тетка была неизменно очень добра, но она так обо всем беспокоилась! Вот бы нашелся кто-нибудь, с кем можно было бы поплакать вовсе безо всякой причины... ну, почти без причины. Что поделаешь, в этом смысле против нее словно весь мир сговорился. Давным-давно – дома – тоже было не лучше. Подробностей она уже не помнила, лишь смутную картину: вот она, захлебываясь слезами, бежит через обширную асфальтированную игровую площадку... И большая-пребольшая женщина тянется к ней, в изумлении восклицая: «Анна! Анна! Ну что же это такое, почему ты снова реवेशь?» Так, будто ее детское горе было сущим оскорблением для всеобщей радости и веселья, царившего вокруг.

Все это пронеслось в голове у Анны, когда она миновала кресло Сэма и отправилась в буфетную – положить тарелку в раковину. Плакать нельзя. Ни по какому поводу. И уж распоследней глупостью было бы сознаться, что она обозвала Сандру толстой свинушкой – и сама же расстроилась. Или загрустила оттого, что Сандра объявила ее «с головы до пяток такой», или как там она выразилась... Нет, на самом деле причина была другая. Просто миссис Пегг ее возненавидит, когда все узнает. А значит, нехорошо было до тех пор продолжать пользоваться ее добротой.

Ожесточив сердце, Анна вышла в заднюю дверь и захлопнула ее за собой.

Вода стояла очень низко, на дне залива остался сущий ручеек. Анна посмотрела на причалы и поверх них – на Болотный Дом: вдруг снова покажется девочка, замеченная вчера? Однако все окна были пусты, дом словно спал. Анна почти посуху перешла залив, пересекла заболоченную низменность и выбралась на пляж. Там было совсем безлюдно – только птицы проносились над головой. Анна облюбовала местечко в распадке между песчаными дюнами, устроилась там и остаток жаркого летнего дня ни о чем не думала.

Глава восьмая

Вечер в «Бинго»

Сегодня миссис Пегг шла в «Бинго». Анна и забыла об этом; когда спустя несколько часов она вернулась домой, миссис Пегг успела переодеться в самую нарядную блузку и разыскивала в ящике комода впитывающийся крем под пудру: заветная баночка хранилась ради особых случаев вроде сегодняшнего.

– Я твой чай на пар поставила, чтобы не остыл, – сказала она Анне. – Потом газ выключишь, хорошо? Сэм отправился в «Королевский венец» резаться в домино, так что мы с ним почаявничали пораньше... Где же этот крем, хотела бы я знать? Вместе с баночкой куда-то впитался?... А! Попался наконец!

Пропажа обнаружилась среди прихваток для горячего, бумажных кулчков, чайных салфеток и иных мелочей. Миссис Пегг открыла баночку и принялась торопливо мазать лицо.

– Так, а куда же я туфли задевала? Готова поклясться, я сверху их принесла... Так ты, милая, не забудешь газ выключить? Пойду-ка другие туфли искать...

И она возобновила раскопки.

Вот это было Анне как раз по душе. Никто ею не занимался, не лез. Никто не тратил попусту время, выясняя, какое у нее настроение и почему. И о ее дурном поведении за обедом, кажется, благополучно забыли. Центром вселенной сделались «Бинго» и домино. Таковы были Пегги: они не притворялись, будто забыли, они действительно забывали. Значит, и она имела право от всего отрешиться. От Пеггов, от Стаббсов... вообще от всех. Какое счастье, когда за тобой ежеминутно не присматривают и не трясутся.

Да, но к завтрашнему дню миссис Пегг всяко узнает о ее столкновении с Сандрой.

Когда миссис Пегг, прихрамывая, спустилась в своих выходных туфлях (которые особо ничем не отличались от повседневных, только были тесней), Анна смотрела в окно.

– Ну, пошла я, утенок, – попрощалась миссис Пегг, подходя к двери. – Попей чайку, как надумаешь.

Анна лишь обернулась и официально-вежливо произнесла:

– До свидания.

И вот она осталась одна. На буфете тикали часы, на плите тихонько булькала кастрюля. Так называемое чаепитие было на самом деле основательной трапезой: Анну ожидала изрядная порция копченой рыбы с тушеной фасолью, а собственно к чаю – булочка, покрытая липкой глазурью. Анна неторопливо поужинала: ее все не оставляло тихое безразличие. Выключив газ, она помыла тарелки, отправила их в сушилку и вновь вышла из дома.

Уже были сумерки, прилив успел высоко подняться. Он как-то быстро подоспел, пока она ужинала; вода тонким серебристым слоем покрыла причал, оставив у обрыва сухую полосу всего в несколько футов. Возле самого берега покачивалась лодочка, привязанная к столбу; раньше ее там не было, в этом Анна была уверена. Она бы наверняка ее заметила днем – обсохшую во время отлива. Тем более что лодочка была очень славная. Почти новая, цвета полированного ореха.

Анна подошла поближе, заглянула внутрь.

На носу лежал серебристый якорь, белый якорный трос был свернут опрятными кольцами. В укючинах, готовые к плаванию, виднелись весла. Казалось, кто-то только вышел на берег и собирался вскоре вернуться. Анна быстро огляделась: нигде никого. А ведь за последние десять минут никто по дороге не проходил; Анна бы непременно заметила. Ей все больше казалось, будто лодочка кого-то ждала. Ее ведь даже на якорь не поставили, он лежал внутри, да и швартов всего два раза обвели кругом столба... Уж не Анну ли она дожидалась?

Она огляделась еще раз, скинула парусиновые тапочки – и, ни о чем даже не думая, подтянула лодочку поближе, шагнула через борт. От неожиданного движения небрежно захлестнутая веревка распуталась и упала. Анна втянула ее внутрь и взялась за весла. Ей никогда

раньше не доводилось грести... Если не считать того раза в Борнмуте, когда мистер Престон дал ей подержаться за весло и заодно внушил золотое правило: никогда не вставать в лодке во весь рост. Тем не менее она чувствовала полную уверенность.

Она осторожно обмакнула в воду сперва одно весло, потом другое. Стала потихоньку делать маленькие гребки – и вот она уже отделилась от столбика, понемногу продвигаясь вдоль берега.

Почти без какой-либо осознанной мысли она поплыла мимо Болотного Дома.

Вода кругом была невероятно тихой и гладкой. Анна прекратила грести, оперлась на весла и стала смотреть на догоравший закат, от которого остались огнистые полосы над горизонтом.

– Жаль меня! – кричала птичка-песчаник, так, кажется, она называлась. – Жаль, жаль меня!..

Анна встрепелась: лодка продолжала двигаться, хотя веслами она больше и не работала. Берег по левую руку быстро ускользал прочь, теперь она находилась прямо напротив Болотного Дома. Она заметила свет в окнах нижнего этажа... и поспешно схватилась за весла. Оглянувшись через плечо, обнаружила, что движется прямо туда, где в воду выдавался угол стены. Если не поторопиться, туда-то она и стукнется. Она ударила левым веслом, но лишь шлепнула по воде и едва не свалилась навзничь. В тот же самый момент прямо над ухом послышался голос – детский, девичий, смешливый:

– Эй, на борту! Веревку бросай!

Глава девятая

Девочка и лодка

Анна бросила веревку, та натянулась, дернулась... лодку подтащили к стене, где она и остановилась с легким толчком.

Только тут Анна подняла глаза. Над ней, на врезанных в стену ступенях, стояла девочка. Та самая, которую она видела раньше. На ней было легкое длинное платье, светлые локоны падали на плечи. Она наклонилась вперед, сверху вниз заглядывая в лодку.

– С тобой все хорошо? – прошептала она.

– Да, – «обычным» голосом ответила Анна.

– Тихо! – Девочка поднесла палец к губам. – Услышат еще!.. Ты можешь оттуда выйти?

Анна выбралась на ступени. Девочка привязала веревку к железному кольцу в стене. Они стояли напротив, рассматривая друг дружку сквозь сумерки. «Это точно сон, – думала Анна. – Я ее выдумала. Поэтому можно и не говорить ничего...» И она продолжала смотреть, словно на привидение.

Однако и незнакомая девочка точно так же вглядывалась в нее.

Наконец Анна шепотом спросила:

– Ты настоящая?

– Да, а ты?

Они рассмеялись и потрогали одна другую для верности. О да, чужая девочка была вполне реальна, и платье у нее было из чего-то невесомого и шелковистого, а плечо – крепкое, теплое.

Девочка тоже явно поверила, что Анна ей не мерещилась.

– У тебя ладонь липкая, – сказала она и вытерла руку о платье. – То есть мне-то все равно, но так оно и есть! – Потом добавила, глядя во все глаза: – Ты, наверное, нищенка?

– Нет, – сказала Анна. – С какой стати?

– Ты босиком. И волосы у тебя темные и спутанные, как у цыганки. Тебя как зовут?

– Анна.

– Ты в деревне живешь?

– Да, у мистера и миссис Пегг.

Девочка задумчиво глядела на нее. В гаснущем свете трудно было рассмотреть черты лица, но глаза, кажется, были голубыми, в прямых темных ресницах.

– Мне не разрешают с деревенскими детьми играть, – медленно проговорила девочка. – Но ты ведь приезжая, верно?.. А впрочем, какая разница. Все равно они не узнают...

– Тебе не о чем беспокоиться. – Анна резко отвернулась.

– Не уходи! – Девочка, однако, удержала ее. – Ну что ты сразу надулась? Я вправду хочу с тобой познакомиться! А ты со мной хочешь?

Анна заколебалась. Хотелось ли ей познакомиться с этой девочкой? Она и сама толком не знала. Для начала она решила кое-что объяснить:

– Руки у меня липкие, потому что на ужин я ела булочку с глазурью. А волосы растрепанные, потому что я с утра не причесывалась. И я не хожу босиком, у меня есть тапочки, но они остались на берегу. Вот.

Девочка рассмеялась и потянула ее за руку, приглашая к себе на верхнюю ступеньку.

– Давай тут посидим. Тут они нас не увидят, если в окно выглянут. Только разговаривать надо тихо-тихо!

Она посмотрела через плечо на окна. Анна проследила ее взгляд.

– Они все наверху, – прошептала она. – В гостиной окна горят.

Прямо у них над головами с неожиданным стуком распахнулось окно. Девочка поспешно пригнулась и надавила Анне на плечо, чтобы та тоже спряталась. Они потихоньку сошли ступенькой ниже и уселись, наклонив головы. Девочка крепко держала Анну за руку.

– Как красиво смотрятся болота по вечерам! – проговорил женский голос над ними. – Сидела бы вот так и сидела...

Девочка вздрогнула, пригнулась еще ниже. Они держались за руки, беззвучно смеясь и видя в потемках лишь белые зубы друг друга.

– Закрой окно, – донесся сверху мужской голос.

Из комнаты долетела музыка, раздался взрыв смеха, еще голоса...

– Марианна, иди танцевать! – позвал кто-то.

– Сейчас, – отозвался наконец женский голос над головами девочек. – Минутку посижу и приду... Кстати, а где ребенок?

Девочка обхватила Анну рукой за пояс. Обе затаили дыхание. Анна и не помнила, доводилось ли ей вот так прижиматься к кому-то.

– Надеюсь, в постели, – сказал мужской голос. – Хватит уже, закрывай окно!

Со шелчком сомкнулись оконные рамы. С болот долетел крик серо-бурой птички:

– Жаль! Жаль меня!..

Легкий ветерок сморщил воду, лодка тихо раскачивалась вниз. Девочка выпустила руку Анны.

– Это они о тебе говорили? – шепнула Анна.

Та кивнула, тихонько смеясь. Анна спросила еще:

– Тогда почему ты в таком платье, а на вечеринку не идешь?

– Вечеринка была раньше, а сейчас уже поздно. Ты же слышала: я в кровати должна быть.

А тебе что, допоздна гулять разрешают?

Анна покачала головой:

– Нет, мне тоже скоро уходить надо...

Она осеклась, вспомнив, каким образом попала сюда, и спросила:

– Это ваша лодка?

– Да, наша. Я ее нарочно для тебя там оставила. Только я не знала, что ты грести не умеешь!

Они снова захихикали в темноте. Анна вдруг почувствовала себя невероятно счастливой.

– А как ты поняла, что я там? Ты что, меня видела?

– Да, много раз.

– А я думала, вы только въехали!

Девочка вновь рассмеялась и сама себе закрыла рукой рот. Наклонилась к Анне и щекотно зашептала ей на ухо:

– Да нет же, конечно! Я давным-давно уже тут живу!

– Сколько? – прошептала Анна в ответ.

– Неделю самое меньшее! – поддразнила девочка. – Ш-ш-ш! Слезай в лодку, я назад тебя отвезу.

Уже в лодке Анна сказала ей:

– Значит, ты за мной наблюдала?

Девочка кивнула.

– Тише ты! Звук по воде знаешь как слышно?

Анна послушно понизила голос:

– А у меня чувство было, что ты здесь. Я даже оглядывалась, бывало, думаю, и кто же это все время на меня смотрит? А тебя не было видно...

Девочка тихо засмеялась:

– А вот и было!

– Где?

Та наклонилась к веслам и указала наверх:

– Вон мое окно. Вон там, самое крайнее.

– Ну да. – Анна медленно кивнула. – Могла бы я догадаться. Я же там тебя видела. И вчера видела: тебе волосы расчесывали.

– И я тебя видела.

Анна даже удивилась:

– Как так, ведь ты же боком стояла! И ты никак не...

– Ну конечно, я никак не показывала... Тихо ты, не кричи! – предупредила она, хотя Анна была уверена, что говорит тихо. – Ты мой страшный секрет, между прочим! Я про тебя

никому-никому не говорила и нипочем не скажу! Если проговорюсь, они все испортят! – Она наклонилась вперед и тронула коленку Анны. – Пообещай, что тоже про меня не расскажешь! Никому-никому!

– Ни за что! Никому и никогда!

Анне нравилось, когда ее о чем-то просили. Ну надо же, ей наконец попался кто-то такой же, как она сама! Это ли не предел мечты – тайная подружка, о которой никто посторонний понятия не имеет! Самая настоящая подружка... и в то же время как бы не очень реальная...

– Что ты утром делала на болоте? – задумчиво спросила девочка.

– Морскую спаржу собирала. А ты что, опять меня видела?

– Да. Только я думала, ты за морской лавандой пошла. Очень ее люблю...

Последние слова она произнесла так тихо, что Анна еле расслышала.

Лодочка негромко проскрипела днищем по камешкам, и Анна выпрыгнула на берег. Некоторое время она молча стояла, держась за нос лодочки. Расставаться очень уж не хотелось. Девочка в своем светлом платье казалась маленьким привидением на темном фоне тростников и воды. Сумерки уже совсем сгустились. Было очень тихо, только у ног Анны еле слышно плескалась вода. Подняв глаза, девочка увидела над собой огромное небо в ярких огоньках звезд.

«Да, – сказала она себе. – Все это мне точно приснилось!»

– Ты так тихо стоишь, прямо привидение... Анна! – слегка дрожащим голосом произнесла девочка. – Анна, но ты ведь взаправду настоящая?

Анна с облегчением рассмеялась. Девочка рассмеялась в ответ:

– Иди сюда.

Анна наклонилась, и новая подружка легонько чмокнула ее в щеку.

– Вот! Теперь я точно уверена, что ты мне не приснилась! Только оттолкни лодку как следует, прежде чем в воздухе растаешь!

Анна толкнула лодку прочь от берега.

– В следующий раз я тебя грести научу! – веселым шепотом прокричала девочка. – Ну, пока! Тапочки не забудь!..

Анне пришлось ощупью пошарить на берегу, но тапочки она наконец разыскала. Если бы девочка ей не напомнила, она бы здесь их и забыла, – лишнее доказательство, что ей не примерещилось!

Она побежала домой, прямо-таки дрожа от возбуждения. Она-то клялась себе, что нипочем не пойдет знакомиться с новыми соседями, когда те появятся! И вот вам пожалуйста – нечаянная встреча с ровесницей порадовала ее так, как ни одна прежде.

Эта девочка была не такая, как все. Чувствовалось в ней... какое-то волшебство, что ли. Анна вдруг сообразила, что даже имени ее не узнала. От огорчения она перешла с бега на шаг: как же так, почему она не спросила?.. Может, времени не хватило?.. Она и не помнила. Только то, что с ней произошло настоящее чудо.

Она пронеслась по дорожке к дому, уже слыша доносившиеся издали голоса – это, смеясь и болтая, возвращались из «Бинго» любители одноименной игры. Они желали друг дружке спокойной ночи и по одному, по двое покидали компанию, направляясь домой. Анна прибавила шагу, толкнула заднюю дверь...

Внутри горел свет, на плите кипел чайник, Сэм уже расставил чашечки для какао...

Это был совсем другой мир.

Глава десятая

Маринованная спаржа

Наутро за завтраком Анна перехватила устремленный на нее взгляд миссис Пегг, полный недоумения. Только тут она вспомнила про «Бинго». Миссис Стаббс туда наверняка приходила – и уж точно поведала ей про Анну и Сандру. Ну и ладно. Не собиралась она сейчас об этом задумываться. Ее занимали другие, гораздо более приятные мысли. Анна преспокойно жевала свой завтрак, вспоминая вчерашнее приключение. Та странная девочка... ее лодочка... Выйдет она сегодня вечером опять на залив? Анна даже не спросила ее об этом, забыла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.